

Викентий Вересаев

Исанка

Викентий Викентьевич Вересаев

Исанка

Аннотация

«Густой, раскидистый липовый куст нависал с косогора над ключом. Вода в ключе была холодная и прозрачная, темная от тени. Юноши и девушки, смеясь, наполняли кувшины водою. Роняя сверкавшие под солнцем капли, ставили кувшины себе на голову и вереницею поднимались по тропинке вверх.

Все были босы, все были с непокрытыми головами. Золотились под солнцем загорелые руки и ноги, стройные девичьи шеи, юношеские, еще безволосые, груди...»

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Викентий Вересаев

Исанка

Часть первая

Густой, раскидистый липовый куст нависал с косогора над ключом. Вода в ключе была холодная и прозрачная, темная от тени. Юноши и девушки, смеясь, наполняли кувшины водою. Роняя сверкавшие под солнцем капли, ставили кувшины себе на голову и вереницею поднимались по тропинке вверх.

Все были босы, все были с непокрытыми головами. Золотились под солнцем загорелые руки и ноги, стройные девичьи шеи, юношеские, еще безволосые, груди.

Борька Чертов, прямой под тяжелым кувшином на голове, остановился на краю косогора. Счастливо улыбался, дышал ветром, солнцем и любовался вереницею прямо держащихся полунагих фигур, поднимавшихся снизу среди свежей июньской зелени.

Ах, хорошо!.. У каждого бывают в жизни недели, когда все кругом как будто сговорится любовно обступить человека и давать ему только радость, только радость, доверху переполнить душу радостью. Так было сейчас с Борькой. Солнце, блеск зелени, ощущение выросших мускулов под загоревшей

кожей, горение внимательных девичьих глаз, милые товарищи, общее признание.

Прошли снизу, тоже с кувшинами на головах, приземистый Стенька Верхотин и Таня Комкова. В их глазах был блеск той же самопричинной радости, которая опьяняла Борьку. Стенька, не поворачивая головы, на ходу бросил ему:

– Состязаемся. Бег с полными кувшинами. Новый номер легкой атлетики.

Борька сосредоточенно стоял на месте, опустив руки, и медленно извивался туловищем, стараясь удержать на голове без помощи рук полный жестяной бидон. Из лощины поднимались все новые парни и девчата.

Донесся снизу смех Исанки. На тропинке показалась ее тонкая, сильная фигура, с нагою золотисто-загорелую рукою, поддерживавшею на голове кувшин. Прошла мимо. Борька тоже медленно пошел, балансируя под тяжелым кувшином. И смотрел сзади на Исанку.

Она шла по дороге, придерживая кувшин на голове, – чудесная античная статуя расцветающей девушки. У большинства девчат шаровары были засучены до верху бедер. У Исанки юбка была до колен. И поразительно было смотреть сзади, как узки у нее щиколки и нижние части голеней; чувствовалось в этом что-то благородное и сильное, как в узких голенях породистых беговых лошадей. Ему вспомнилось и вдруг стало понятным выражение древнеэллинических поэтов: «тон-

колодыжная дева»... Так вот оно что значит! И он с улыбкою повторял про себя:

– «Тонколодыжная дева»...

Дорога сворачивала от перекрестка вправо, в рожь. Кувшины на головах водоносцев закачались над матовою желтизною ржи. Борька смотрел на далеко растянувшуюся вереницу и радовался.

Это была его идея – носить на голове кувшины с водою. В прошлом году Борька ездил матросом на советском пароходе в Палестину и Египет. Его поразило, как прямо держатся там арабы, особенно женщины: каждая по стройности похожа на финиковую пальму. Он приглядывался, соображал – и нашел причину. Из колодцев и речек женщины носят в кувшинах воду на голове; и вообще все тяжести там носят больше на голове. При этом мускулы спины должны напрягаться, тело вынуждено держаться совершенно прямо; от постоянного упражнения соответственные мускулы крепнут и привыкают без усилия держать туловище в выпрямленном положении. Потом, в Ленинграде, Борька обратил внимание, как прямо держатся всегда разносчики, – не только, когда лоток у них на голове, а даже когда просто стоят у своего лотка. Разносчика и без лотка сразу можно узнать по тому, как он прямо держится, – и прямою естественною, а не искусственною старою солдатскою «выправкою». Бессмысленно было в светских семьях твердить детям: «*tenez vous droits*» («держитесь прямо!» (фр.)). Нужно с детства приучать детей но-

сидеть на голове необременительные для черепа тяжести. Тогда прямота придет сама собою. А важна она не только для красоты. Людям умственного труда она необходима, чтоб не скомкивались легкие.

Борька эту мысль высказал. Стенька Верхотин, великолепный организатор, сейчас же воплотил ее в дело. И каждый день в четыре часа вечера, после «мертвого часа», обитатели студенческого дома отдыха сходились с кувшинами к ясеням у околицы усадьбы, а оттуда шли по дороге через рожь за версту к Грозным Ключам. Ключи на всю округу славились чистотою и вкусоностью воды. Завхоз дома отдыха с удовольствием предоставил ребятам кувшины и бидоны, — за ненадобностью, они без дела громоздились в кладовых, — дом отдыха имел великолепную питьевую воду, и не нужно было посылать за нею водовоза.

Возле Исанки шел Можаяев, — щупленький, смешно низенький рядом с нею. Шли еще две дивчины в шароварах, высоко засученных до паха. Опять Борьке бросилось в глаза то, что он давно уже заметил: женские ноги изогнуты в коленях внутрь и при ходьбе почти цепляются друг за друга внутренними выступами коленок. Это было очень некрасиво, и ноги парней казались при сравнении стройными, а их шаг твердым, гармоничным.

Можаяев отошел к тем двум девчатам. Борька нагнал Исанку.

— Скажи, Исанка, отчего ты не ходишь в шароварах, как

другие?

– Н-не знаю... Мне так больше нравится.

Борька посмеивался и ласково глядел на нее.

– В тебе есть бессознательная интуиция, она ведет тебя по верному пути. Посмотри на Зину и Веру: какие у них кривые ноги. Женщины всегда чувствовали, что ноги у них поставлены некрасиво, и везде, всегда окутывали ноги юбками, рубашки носили длиннее мужских... Когда художникам приходилось изображать голое женское тело, они постоянно наталкивались на это женское уродство. И Тинторетто, например, просто выпрямлял своим женским фигурам ноги.

Подошел Можаев, усмехнулся, сказал, вздохнув:

– Энциклопедия!

Но с интересом стал слушать. А Борька восторженно продолжал:

– Эллины... Ах, эллины никогда не фальсифицировали природу, они всегда умели найти точку, с которой природа является красивой без всякой фальсификации. Посмотри, например: у Венеры Милосской, у Венеры Книдской нижняя часть туловища, начиная с чресел, закутана, и ноги скрыты...

В разговоре Борька продел руку за голую руку Исанки. По руке ее пробежал трепет, и Исанка отдернула руку.

– Чего это ты? – удивился он.

Исанка сконфуженно ответила:

– Я не люблю. – И с интересом сказала: – Ну, дальше!

Он помолчал, ища сбившуюся мысль, и продолжал:

– Самый распространенный тип Венеры – тип *Venus pudica*, Венеры Стыдливой. Такая Венера стоит, чуть наклонившись вперед, одно колено выдвинуто перед другим, – получается очень естественно, и природный недостаток становится незаметным.

Исанка, придерживая рукой кувшин на голове, с интересом слушала. Борьку всегда было интересно слушать. По разнообразию знаний он, правда, был форменная «енцик-лопедия». Особенно было хорошо, что знания его не лежали в нем мертвым грузом, а все время крутились, кипели, сцеплялись друг с другом, проверялись наблюдениями, складывались в новое и интересное. И всегда он весь был в том, что говорил. Весь дом отдыха он зарядил своею напряженной умственной жизнью, всех заставлял больше думать и большим интересоваться. Сейчас Борька безоглядно увлекался эллинством, изучал греческий язык, уже читал Гомера. Кругом было солнце, зной, красивые молодые тела, постоянные телесные упражнения. И все это становилось ярче, углубленнее и серьезнее, озаренное эллинским прожектором Борьки.

На откосе рощи, за канавою дороги, водоносы расположились на отдых. Кувшины и бидоны, полные сверкающей водой, рядом стояли на валу канавы, а ребята лежали под березами, сплетшись в одну огромную, живописную кучу. В зеленой тени сверкали золотистые, бронзовые и оливковые тела, яркими цветами пестрели женские косынки и блузки.

– Борька! Исанка! Отдых!

Борька опустил свой бидон на землю, отер потный лоб и весело замешался в общую кучу. Руки переплетались с ногами, у наклонявшихся девчат в вырезях блузок мелькали на миг, обжигая душу, грушевидные груди. Стенька Верхотин лежал головой на коленях Тани, а она, наклонившись, гладила его курчавую голову.

Исанка поставила свой кувшин в ряд с другими и села сбоку, не мешаясь в кучу.

Можаев враждебно спросил:

– Ты почему в сторонке села?

Исанка презрительно ответила:

– Тебя не спросила! Жарко!

– Нет, не жарко потому что. Ты всегда держишься в сторонке. Вон, Борька чуть тронул за руку, – «ах, ох, это неприлично!». Мещанка ты, интеллигентка! Нет у тебя настоящей товарищеской простоты.

Вера Горбачова поддержала Можаева:

– Как будто в старорежимные времена в великосветской гостиной... Тургеневская девушка.

Борька расхохотался.

– Товарищи, что это? Мы еще начнем вводить регламенты, как держаться и где садиться! Черт знает! Исанка, будь сама собою и плюй на всех!

Можаев проворчал:

– Черт с ней, пускай будет сама собой! Очень мне нужно!

Стенька Верхотин лениво и строго сказал:

– Можаев! Не бузи! Покультурнее нужно быть.

Поднялись, поставили кувшины на головы, пошли дальше. В такт шагу задекламировали все вместе:

Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой!
Клячу истории загоним...
Левой! Левой! Левой!

Можаев с виноватым видом подошел к Исанке.

– Ты не сердись, что я тебя так. Я задеваю тебя, а все-таки очень люблю.

– А мне надо?

Отодвинулась от него и дружески взглянула на подходившего Борьку.

Борька привык первенствовать и привык к жадно слушающим, влюбленным девичьим глазам. Но Исанка становилась ему все желаннее и милее, потому что у нее были гордые и дерзкие глаза, потому что она не позволяла к себе прикасаться.

Он тяжело вздохнул.

– Эх, Исанка! Завтра уезжать, – как не хочется! Я так к тебе привык!

Она из-под руки, придерживавшей кувшин, взглянула, не умея сдержать радости.

Над густолиственными ясенями забелел вдали бельведер дворца. Широкая подъездная аллея. Потом веселая лужайка с

цветниками перед террасой. И огромный двухэтажный дворец-красавец – раньше графов Зуевых, теперь – студенческий дом отдыха на сто двадцать человек.

Прошли через лужайку к боковому двору и перед кухней стали сливать свои кувшины в бочку. Потом на спортплощадку. Большая партия вузовцев, отжившая свой месяц, завтра покидала дом отдыха, на место их приезжали другие. И все спешили последний день наиграться. Спортплощадка была разбита на лужайке перед дворцом.

Футболисты с толстыми икрами и голыми коленками метались по полю, выкатив глаза и по-бычачьи наклонив головы; за проволочной сеткой мелькали ловкие фигуры теннисистов, вздымались ракетки, и пулями летали мячи. На дороге играли в городки.

К Борьке подбежала Зина Арнаутова и, глядя влюбленными глазами, сказала:

– Борька, мы сейчас в баскетбол собираемся играть. Будь у нас рефери!

Она была в красной физкультурке, с голыми руками и ногами, легкая, тоненькая. Борька молча взял ее за руки ниже запястий и попытался поставить на колени. Она изгибалась, стараясь не поддаться, и смеялась радостно. Раньше, до Исанки, Борька много ходил и говорил с нею, потом отстал, и она тайком следила за ним грустными глазами. Сейчас на душе у Борьки было хорошо и светло, всем хотелось сделать приятное. Он ласково улыбнулся, стараясь изогнуть ей руки.

Потом сказал, как будто потеряв надежду:

– Нет, с тобой не справишься!.. Ну, пойдём.

Были две сыгравшиеся за месяц баскетбольные женские команды по пять человек. Завтра многие из них уезжали и сегодня состязались в последний раз.

Борька, с свистком в губах, расхаживал вдоль площадки и зорко следил за играющими. Ах, хорошо! Мяч быстро и плавно перелетал из рук в руки, прыгал по земле, ловко ударяемый ладонью, опять взлетал; крутясь вокруг своей оси, устремлялся дугою к сетке. Плавно изгибались тела, грациозно мелькали нагие руки, как будто живое море ласково плескалось по площадке. Исанка была центровым игроком и капитаном юбочниц: одна партия была в юбках, другая в шароварах. У противной партии в центре играла Зина. И обе они стоили одна другой, – две олицетворенные волны, – легкие, подвижные, гибкие. Борька любовался обеими, когда, вводя мяч в игру, он подбрасывал его, а они, близко стоя с заложённой за спину рукой, готовились к прыжку.

Захватывала слаженность игроков, красота строго организованных движений, грация тел. Но еще больше Борьку восхищала общая дисциплинированность. Всякое слово судьи принималось играющими, как неоспоримое слово рока, – а Борька был судья очень строгий, почти придирачивый; ни одним словом не перекидывались играющие, только, когда нужно, – призывный хлопок в ладоши; не касались друг друга, не толкались, не задерживали мяча; каждая бегала, как

будто одна была на площадке, и мяч летал без остановки, как будто живой. Вот где обучение культурности и дисциплине.

Через двадцать минут Борька объявил перерыв. Уселись на длинной скамейке около площадки. Солнце садилось, дворец под его светом сиял своим огромным белым фасадом, вдали зеленую полянку обступали огромные, тихие дубы парка. И кипела молодая, здоровая, радостная жизнь, набираясь сил на работу и будущее. Представилось, как было тут раньше: вяло и скучающе бродили среди этой красоты вырождающиеся, изнеженные люди, не умея вложить в жизнь ни поэзии, ни страсти. И были эти бездельные люди владельцами всех богатств вокруг за то, что предок их услаждал своим офицерским телом ночи развратной старушки-императрицы. И вот – «священная собственность»!.. Хе!

Борька был сын мелкого, разорившегося помещика, но революцию любил. Потерял он от нее немного, а в себя верил крепко, верил, что сам сумеет проложить себе в жизнь дорогу. Любил он революцию за то, что она все сдвинула со своих мест, что открывала головокружительные возможности к творчеству нового.

Опять играли. Колокол зазвонил к ужину. Исанка пошла ужинать к себе. Она жила не в доме отдыха. Ее дядя был помощником завхоза дома отдыха, она жила лето у него. Занимал он флигель за прудом. Борька сказал:

- Я тебя провожу.
- А вам ужинать.

– Ну, опоздаю. Без ужина. Неважно.

Пошли ясеновой аллеей к плотине пруда. Исанка сказала:

– А знаешь, я уже чувствую, как отзывается на спине наше ношение кувшинов. Легко и приятно идти прямо, как будто посторонняя сила поддерживает.

– Да? Вот видишь!.. – Борька заговорил с воодушевлением. – Это лето для меня какое-то совсем особенное. Как будто у меня только что раскрылись глаза на человеческое тело, как оно может быть прекрасно, как важно, чтоб оно было здорово и прекрасно, и как мало мы об этом думаем. И каждый день меня на этот счет озаряют гениальнейшие идеи. Сегодня, например... Скажи, ты любишь смотреться в зеркало?

– В зеркало?... Как сказать...

– Ну, ясно, конечно, – не знаешь, как сказать. Ты хорошенькая, конечно, смотришься в зеркало, но как это сказать!.. А нужно твердо знать вот что: человек должен постоянно смотреться в зеркало. Если он будет видеть свое тело, – ему захочется, чтоб оно стало красивее, мускулистее, здоровее. И лицо свое нужно видеть почаще, чтоб оно было светлое, с ясными глазами, чтобы не было брюзгливых складок в губах. Тело так же действует на душу, как душа на тело. Если будешь ходить прямо, то и поникшая душа выпрямится; если сгонишь угрюмость с губ, она сойдет и с души.

Свернули около плотины на тропинку, перешли через пролом в кирпичной ограде, обросшей крапивой.

– Ну, не прощаюсь. После ужина приходи во дворец, смотри. Придешь?

– Ага.

Исанка пошла по тропинке к дому, а Борька повернул назад. Он медленно шел ясеновой аллеей. Солнце уже село. На западе столбами стояли странные облака – теплого, жемчужно-серого цвета. Как будто из-за горизонта тихо вынеслись огромные фонтаны, и замерли в воздухе, и царили над всею землею. Борьку поразило, какая тишина кругом. Он остановился. За канавкою слабо дышала цветущая рожь и как будто прислушивалась к чему-то, сдерживая дыхание. Так было тихо, что когда незаметный ветерок вдруг закачал над головою ветку ясеня, показалось, что и ветка живая и шепот листвы самостоятельный.

Борька стоял, прислонившись плечом к стволу ясеня. Все больше охватывала душу эта колдовская тишина. Он произнес вполголоса:

Есть некий час всемирного молчанья...

Еще страннее и таинственнее стала тишина от этих таинственных слов... Как там дальше? Что-то еще более таинственное и вещее. Как будто не просто стихи, а дряхлая сивилла медленно шепчет малопонятные, не из этого мира идущие слова. И на остром ее подбородке – жесткие, седые волосы. Но как же там дальше?

Ах, как хорошо! Как хорошо! Вся радость, весь свет и счастье, которые Борька впитал в себя в этот сверкающий месяц, вдруг разом заполнили душу. И вся она трепетала от ощущения нарастающего, приближающегося какого-то блаженства, которому нет и не будет имени.

Есть некий час всемирного молчанья...

Ну, как же там дальше?.. Среди тихой теплыни чуть слышно звенела мошकारа в ржи. За бугром, в невидимой деревне, изредка лаяла собака. Вдруг оттуда донесся закатистый детский смех, – совсем маленький ребенок радостно смеялся, заливался тонким колокольчиком. Звуки отчетливо доходили по заре. Борька светло улыбался. И еще раз ребенок залился смехом. И еще. И прекратилось. Борька ждал долго, но уж не было: видно, перестали смешить или унесли в избу. Стало опять тихо.

Есть некий час всемирного молчанья...

И вдруг в памяти медленно, уверенно выплыло дальше:

И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес...

По дороге от деревни, держась за руку, шли Стенька Вер-

хотин и Таня. Какие славные ребята: и тут, на отдыхе, не бросают общественной работы. Он помогал в деревне организовать комсомольскую ячейку, она развернула широкую работу в женотделе. И как хорошо идут, держась за руку, – какая хорошая товарищеская пара!

Подошли. Пошли все вместе ко дворцу. Борька сказал:

– Ну, Стенька, Танька! Может, никогда больше не увидимся. Вы в Москву, а я в Ленинград... Хорошо месяц прожили, правда?

Стенька широко улыбался скуластым, бритым лицом.

– Ясно. И знаешь? Ты мне много дал за этот месяц. Сначала меня возмущали все эти твои эллинские утонченности, постоянные твои разговоры о теле, здоровье, красоте. А потом я убедился, что настоящая физкультура именно требует такого опоэтизирования и углубления и что греки в этом деле были не дураки.

– Други мои милые. Ой, не дураки они были!

Борька крепко обнял за шею Стеньку и Таню, и так, обнявшись втроем, они подошли ко дворцу.

Отужинали. В огромные окна дворца глядела звездная ночь. В белом зале с ненатертым паркетом играли на рояли, танцевали, декламировали, пели. В темно-вишневой гостиной, со старинными картинами в тяжелых золотых рамах, на всех столах и столиках играли в шахматы и шашки.

Исанка вошла в гостиную и сразу нашла глазами Борьку, –

по высокому его росту, по крепкому, мужественному голосу и по тому, что глаза всех окружающих загорались оживлением и мыслью. Васька Шилин, лучший шахматный игрок, с насмешкой спрашивал:

– Контрреволюционная игра?

– Да, контрреволюционная. Так же, как футбол. Футбол и шахматную игру должны бы насаждать в рабочем классе только фашисты, чтобы отучать рабочих думать над серьезными вопросами.

Можаев из-за шахматной доски враждебно возразил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.